

Цэнь Сяо наконец заметил Ли Байшоу и Лю Таньчжи в тот момент, когда Цзян Вэйдэ и Хань Цзян приготовились вместе разрезать праздничную индейку.

В высшем обществе города А Ли Байшоу не пользовался особым влиянием, поэтому даже во время церемонии он оказался в задних рядах. Официанты раздавали всем подносы, и гости, соблюдая негласную очередь, заворожённо смотрели на исходящую паром золотистую птицу. Мужчина то и дело поднимался на цыпочки и вытягивал шею, пытаясь разглядеть хотя бы край блюда — ростом он явно не вышел.

Лю Таньчжи была не выше мужа, но держалась куда достойнее. Она умело выискивала просветы в толпе, не пытаясь, в отличие от остальных, выдавить из себя подобострастную улыбку. Очевидно, она прекрасно осознавала своё скромное положение и не считала нужным притворяться. Её вечернее платье было безупречным: не слишком броским, чтобы не вызывать зависти, но и не дешёвым, чтобы не стать объектом насмешек. Она была по-настоящему красива — пожалуй, одна из лучших в этом зале, и к тому же молода. Если бы она задалась целью и принарядилась, то точно не затерялась бы в толпе.

Такая женщина — молодая, привлекательная и зарабатывающая приличные деньги на стороне — вряд ли могла всерьёз дорожить супругом: мелочным, ревнивым и совершенно лишённым мужского обаяния. Однако Цэнь Сяо, понаблюдав за ней чуть дольше, почувствовал неладное.

Когда внимание гостей переключилось на индейку, Лю Таньчжи сбросила маску. Она высвободила руку и незаметно отстранилась от мужа. Это напомнило юноше поведение собственной матери рядом с отцом. Но было и существенное отличие: Сяо Мужань тяготилась этими встречами, тогда как её собеседница, напротив, чего-то ждала.

Если бы та стремилась к светской жизни, то выбрала бы более эффектный наряд. Её подчёркнутая скромность говорила о другом: она жаждала не всеобщего восхищения, а внимания одного конкретного человека. Студентка, не сумевшая поступить в магистратуру в двадцать два года, но сумевшая за пять месяцев довести Ли Байшоу до загса, определённо обладала и амбициями, и хваткой. Увидев через мужа более широкие горизонты, она вряд ли захотела бы довольствоваться малым. Она искала покровителя посильнее.

Здесь собрались лидеры самых разных отраслей, каждый из которых был значимой фигурой. Кого же из них выбрала своей целью женщина?

Цэнь Сяо замер в ожидании, надеясь, что она выдаст себя, когда начнётся свободная часть вечера.

В наушнике раздался голос Ли Жуна:

— Заметил что-нибудь?

Цэнь Сяо отвёл взгляд от пары и негромко произнёс:

— Кажется, слухи о том, что в их семье не всё гладко — чистая правда.

Насмотревшись на отношения собственных родителей, он за версту чуял этот холод и притворство.

Ли Жун отложил бинокль и выпрямил спину. Темнота гостиничного номера окутывала его, и только кондиционер мерно гнал потоки тёплого воздуха.

— Значит, тот, с кем она связана, должен иметь какое-то отношение к моему отцу.

Цэнь Сяо глубоко вздохнул:

— Пока мы этого не видим.

Из-за матери и Ли Жуна он всегда проявлял интерес к судьбе Ли Цинли и Гу Нун. Насколько он знал, эта пара была идеальными жертвами: умные, добрые, успешные в науке и искренне преданные делу спасения людей. Трудно было представить, кому могло понадобиться не просто уничтожить их физически, но и стереть их имена, превратив в позор нации.

В передней части зала Цзян Вэйдэ и Хань Цзян взяли за рукоять длинного ножа. Обменявшись любезностями, они синхронным движением вонзили лезвие в ароматную тушку. Из чрева птицы посыпались пряные травы, а по металлу потекла смесь сока и жира.

— Позвольте, я сам, — вежливо произнёс Хань Цзян.

Он перехватил нож и аккуратно передал его подошедшему официанту. Оружие было увесистым, но в руках начальника отряда «Призрачный глаз» оно казалось почти невесомым. Он явно не забывал о тренировках.

Пользуясь тем, что Хань Цзян отвернулся, Ли Жун прильнул к биноклю, внимательно его разглядывая.

— Что ты думаешь о Хань Цзяне? — спросил он Цэнь Сяо.

— Настоящий профессионал, — отозвался тот. — За все годы ни одного прокола. Но он крайне подозрителен и держится в стороне от председателей других районов. То, что сегодня его выбрали представлять Девятый район, скорее попытка коллег заставить его хоть немного социализироваться и не искать проблем на ровном месте.

Начальнику группы было уже за пятьдесят, но он выглядел на удивление бодрым, а седина почти не тронула его шевелюру. Черты лица были резкими: выступающие скулы, впалые щеки — даже когда он улыбался, вид у него оставался угрожающим. Благодаря постоянным нагрузкам он казался моложе своих лет: кожа на шее оставалась подтянутой, а фигура — поджарой.

Ли Жун задумчиво кивнул. В прошлой жизни их пути почти не пересекались. К тому времени, как Ли Жун попал в «Хунсо» и получил доступ к подобным мероприятиям, Ду Минли уже успел сместить предшественника. Ли Жун не сомневался, что у каждого есть свои скелеты в шкафу, ведь, как говорил кардинал Ришельё: «Дайте мне шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них достаточно оснований, чтобы его повесить». Но что же такого непоправимого мог совершить этот осторожный человек, державшийся особняком от всей Торговой палаты?

Закончив с индейкой, Хань Цзян и Цзян Вэйдэ отошли в сторону, уступая место гостям. Люди потянулись к столу, отрезая себе по небольшому кусочку. Организаторы вели себя как истинные джентльмены: если к столу подходила дама без кавалера, они помогали ей отрезать мясо или подавали салфетку.

Размышления Ли Жуна прервал голос Цэнь Сяо:

— Лю Таньчжи стоит в очереди и, кажется, ни на что не отвлекается.

Ли Жун нахмурился.

Очередь медленно двигалась, и наконец настала черед Ли Байшоу и его спутницы. Настроение учёного всегда было написано у него на лице, и характер у него был, мягко говоря, не из приятных. Отношения с женой зашли в тупик настолько, что он даже не пытался изображать заботу. Подойдя к блюду, он ловко отхватил кусок побольше, положил на свою тарелку и сразу переключился на соусы.

Мясо индейки было суховатым, и найти лакомый кусочек на уже изрядно обглоданной туше оказалось задачей не из лёгких. Видя, что муж рядом, Хань Цзян и Цзян Вэйдэ поначалу не вмешивались. Но когда они заметили, как Лю Таньчжи неловко возится с ножом, а её супруг и ухом не ведёт, Цзян Вэйдэ заметно смутился.

Хань Цзян среагировал мгновенно. Он шагнул вперёд, перехватил нож из рук женщины и быстрым, точным движением отрезал один из немногих уцелевших кусков с бедра. Он заботливо положил его на тарелку Лю Таньчжи и протянул ей салфетку.

— Спасибо, — едва слышно прошептала она.

Ли Байшоу, заметив это краем глаза, не удержался от саркастического замечания:

— Ты же на диете? Куда тебе такой ломоть, всё равно не съешь.

Лю Таньчжи на мгновение зажмурилась, пытаясь проглотить обиду. По словам Цзи Сяочуань, она не была из тех, кто терпеливо сносит оскорбления, и дома они с мужем скандалили не на шутку. Но здесь, на людях, ей приходилось быть благоразумнее, чтобы не провоцировать сцену.

Цзян Вэйдэ, стоявший совсем рядом, почувствовал себя ещё более неловко. Семейные ссоры были делом привычным, но выносить их на всеобщее обозрение — это за гранью приличий.

Хань Цзян лишь спокойно улыбнулся:

— Пожалуй, это я отрезал слишком много.

Его улыбка не сулила ничего доброго. Суровое лицо с острым взглядом из-под морщинистых век не выражало дружелюбия. В его тоне послышалась готовность признать свою ошибку, дабы дать Ли Байшоу возможность сохранить лицо, но сам взгляд был ясным предупреждением.

Цзян Вэйдэ поспешил вмешаться, пытаясь разрядить обстановку:

— Старина Ли, там сзади люди ждут. Освободите место.

Ли Байшоу, будучи по натуре трусоватым, понимал, что с представителями Девятого района лучше не связываться.

Когда пара отошла, Цзян Вэйдэ лишь обречённо покачал головой. Ли Байшоу всё-таки был сотрудником его института.

— Возраст не всегда приносит мудрость, — заметил он, глядя на начальника группы Хань.

Тот небрежно вытер салфеткой капли соуса, попавшие на пальцы.

— Это уж точно, — бросил он.

Церемония подошла к концу, и хозяева вечера объявили о начале свободной программы. Лю Таньчжи вела себя безупречно. Она послушно следовала за мужем, держа в руке бокал, и, не вступая в беседы, с вежливой улыбкой слушала его хвастливые речи. Она словно превратилась в тень — присутствовала физически, но оставалась совершенно незаметной. Её взгляд больше не искал никого в толпе; казалось, она уже получила то, зачем пришла, и теперь суета вокруг её не трогала.

Цзень Сяо пришёл к выводу, что Лю Таньчжи — женщина крайне проницательная. Опыт работы

в медиа научил её тому, как много может рассказать случайный снимок, поэтому в зале, где каждый второй делал селфи, она вела себя предельно осторожно.

Цэнь Сяо не стал пробовать индейку — он официально не принадлежал к «Ланьшу», и протокол его не обязывал. Гости начали расходиться: кто-то направился в сад, кто-то — на выставку, а кто-то продолжал оживлённо дискутировать у столов с закусками.

Цэнь Сяо развернулся и решительно направился в сторону одного из присутствующих. Он двигался так стремительно, что тот даже не успел скрыться. Юноша усмехнулся, допил свой йогурт и в упор спросил:

— И долго ты за мной хвостом ходишь? Высмотрел что-нибудь интересное?

Сюй Фэн замер, не зная, что сказать. Он явно расслабился и не ожидал, что его обнаружат так быстро. В его глазах Цэнь Сяо был всего лишь школьником, и он не считал нужным проявлять те же навыки, что при слежке за промышленными шпионами.

Его голос, разумеется, услышал и Цэнь Цин на другом конце связи.

— Он тебя раскрыл? — сухо спросил председатель.

Сюй Фэн лишь неловко кашлянул. Цэнь Сяо кивнул в сторону его наушника, скрытого в волосах. Поняв, что игра окончена, помощник вздохнул и тихо проговорил в микрофон:

— Господин председатель, я отключаюсь.

Слежка потеряла всякий смысл.

— Говорят, здесь отлично готовят пасту с лососем и грибами в сливочном соусе и запечённый рис с морепродуктами по-испански, — внезапно произнёс Цэнь Сяо. — Тебе что больше по душе?

Сюй Фэн окончательно растерялся. Он ждал гнева или расспросов, ведь, несмотря на их статус помощника и сына, Цэнь Сяо и Цэнь Цин были семьёй, а он — лишь посторонним. Но вежливый вопрос о меню застал его врасплох. На мгновение он даже ощутил что-то похожее на панику.

В голове Сюй Фэна пронеслось несколько мыслей: то ли Цэнь Сяо пытается его подкупить, то ли хочет через него наладить отношения с отцом, то ли в этом отеле действительно выдающаяся кухня, и парень просто решил обсудить гастрономию. Или он собирается его угостить?

— Я думаю... — начал было Сюй Фэн.

В номере через дорогу Ли Жун, откинувшись на спинку дивана, задумчиво протянул:

— Хочется и то, и другое, но два блюда я точно не осилю.

— То, что не доешь ты, доем я, — ответил Цэнь Сяо, заглушая слова Сюй Фэна. Затем он поднял глаза на помощника отца:

— Сделай одолжение. Закажи одну порцию пасты и один рис. Пусть упакуют с собой и доставят на ресепшен гостиницы «Чанхэн» напротив. Я скоро заберу.

Сюй Фэн округлил глаза:

— Но если я выйду... я не смогу вернуться обратно.

В это здание можно было попасть только в сопровождении председателя, и даже Цэнь Сяо не мог войти сюда один. А просить Цэнь Цина встретить его у входа было невыносимо.

Цэнь Сяо покровительственно похлопал его по плечу:

— На углу есть «Старбакс». Если там не слишком много народу, возьми кофе и подожди моего отца там.

Сюй Фэн замаялся, но всё же решился спросить:

— Могу я узнать, зачем заказывать еду из такого места в эту... дыру через дорогу?

— Не можешь, — невозмутимо отрезал Цэнь Сяо.

<http://bllate.org/book/15351/1428390>